

ИЗМЕНА

ХОРОШИЕ МУЖЬЯ
(НЕ) ПРЕДАЮТ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Измена. Хорошие мужья (не) предают!

<https://litres.ru/74216178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет я жила его жизнью.

Варила кофе, рожала детей, закрывала глаза на усталость — и верила, что это и есть любовь.

А потом — случайная встреча.

Торговый центр, свет, шум, и она — его любовница беременная, на восьмом месяце.

Наши взгляды встретились. Она побледнела.

Я увидела дрожь в её руках, ужас в глазах — и огромный живот, который говорил всё.

Я — психолог. Я умею читать людей, как книги.

И в тот момент я прочла правду, которую девять месяцев не хотела понимать.

Он изменил мне. Мой мир рухнул, для меня это был конец...Апокалипсис моей души!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ульяна Соболева

Измена. Хорошие мужья (не) предают!

Глава 1

Я не верю в судьбу. Я — архитектор. Я строю миры из расчетов, чертежей и холодной логики. Я создаю пространства, в которых люди проживают свои жизни, даже не подозревая, что каждая линия, каждый угол, каждая несущая конструкция были продуманы мной до мельчайших деталей. Я — бог своих проектов. Я контролирую все.

Я контролировал все.

До той ночи.

До той проклятой, благословенной, убийственной ночи, когда я перестал быть Максимом Северовым — успешным архитектором, любящим мужем, гордым отцом троих детей — и стал просто мужчиной. Слабым. Жалким. Смертным.

Сейчас, три месяца спустя, я сижу в своем кабинете на сорок втором этаже и смотрю на город подо мной. Москва раскинулась, как на ладони — мерцающая, равнодушная, прекрасная. Где-то там внизу, в одной из этих светящихся точек, моя жена Алиса укладывает спать нашего младшего, Мишу.

Читает ему сказку тем самым мягким, обволакивающим голосом, от которого я когда-то засыпал сам, положив голову ей на колени. Где-то там Лиза, моя принцесса, моя четырнадцатилетняя копия с моими глазами и ее упрямым подбородком, листает Инстаграм и мечтает о мальчике из параллельного класса. Где-то там Егор, мой первенец, мой наследник, семнадцатилетний титан, готовится к поступлению на архитектуру, чтобы пойти по моим стопам.

Моя семья. Мой мир. Моя крепость.

Которую я разрушил одной ночью. Одним выбором. Одной чудовищной, непростительной слабостью.

И самое страшное — никто не знает. Пока.

Я помню все. До последней детали. До запаха ее духов — сладких, приторных, совсем не похожих на терпкий аромат Алисы, пахнувшей лавандой и домом. До вкуса шампанского — дорогого, французского, с пузырьками, которые лопались на языке, как маленькие обещания забвения. До того, как бликовали огни ночной Москвы в окнах конференц-зала нашего бюро, превращая реальность в размытый, нереальный сон.

Мы праздновали. Мы, черт возьми, заслужили этот праздник. Контракт века. Торговый центр на Кутузовском — пятьдесят тысяч квадратных метров стекла, бетона и моей мечты. Заказчик выбрал нас из двадцати претендентов. Нас. Меня. Потому что я лучший. Потому что я Максим Северов, и я не проигрываю.

Я был пьян от триумфа еще до первого бокала. Адреналин бушевал в крови, как лесной пожар. Я был богом. Я был непобедим. Я был... счастлив. По-настоящему, эйфорично, оглушительно счастлив. И мне хотелось разделить это с кем-то. С Алисой. Я схватил телефон, набрал ее номер. Гудки. Длинные, бесконечные.

— Алло? — ее голос был сонным, усталым. Она работала сутки в центре, консультировала семью после суицида подростка. Я забыл. Я забыл, что у нее тоже была тяжелая неделя.

— Лисичка! Детка! Мы сделали это! Контракт наш! — заорал я в трубку, как пьяный идиот.

— Это здорово, Макс, — она попыталась вложить в голос радость, но я слышал. Я всегда слышал, когда она врала. — Поздравляю. Но сейчас... поздно. Миша только уснул опять говорил о кошмарах. Давай завтра, хорошо? Расскажешь все. Я устала, прости.

Она устала. Она всегда уставала. Она отдавала себя чужим детям, чужим семьям, чужим трагедиям, а на меня, на мой триумф, на мою эйфорию у нее не хватало даже пяти минут радости. И в тот момент, в ту секунду, когда я смотрел на танцующих коллег, на смеющиеся лица, на бутылки шампанского, я почувствовал... обиду. Липкую, мерзкую, мелочную обиду. Я хотел, чтобы кто-то разделил мою победу. Здесь. Сейчас. И тогда я увидел ее.

Ксению.

Она стояла у панорамного окна, одна, с бокалом в руке. Новенькая дизайнер интерьеров, пришла в бюро полгода назад. Двадцать восемь лет. Талантливая. Красивая, но не вызывающе — такая тихая, незаметная красота, которая проявляется не сразу. Темные волосы до плеч, серые глаза, лицо без лишней косметики. Она работала над дизайном холла нашего торгового центра. Она сделала его великолепным.

Я подошел.

— Один из архитекторов победы, — сказал я, протягивая ей бокал. — Почему не празднуете?

Она улыбнулась. Грустно. Устало.

— Праздную. По-своему. Просто... не очень люблю толпу.

Мы заговорили. О проекте. О работе. О том, как она видела пространство, как играла со светом, как создавала иллюзию бесконечности в замкнутых стенах. Она говорила на моем языке. Языке форм, линий, объемов. С Алисой я давно перестал говорить о работе — ей было неинтересно, она жила в мире человеческих душ, а не зданий.

Один бокал. Второй. Третий. Разговор перешел с профессионального на личное. Незаметно. Плавно. Опасно.

Она рассказала, что замужем три года. Что муж — программист, вечно на удаленке, вечно в наушниках, вечно в своем мире. Что они не разговаривают месяцами. Живут как соседи. Что она чувствует себя невидимкой в собственном доме.

Я слушал. И узнавал себя. Потому что последние годы я

чувствовал то же самое. Алиса была рядом, но она была в своих пациентах, в детях, в бесконечных проблемах, которые она тащила на себе, как Атлант небо. А я? Я был функцией. Мужем. Добытчиком. Отцом. Но не Максимом. Я за-
был, когда в последний раз кто-то смотрел на меня и видел не архитектора Северова, не папу троих детей, а просто меня. Человека.

И Ксения смотрела. Она смотрела на меня так, будто я был интересен. Важен. Нужен.

Это был не секс. Не сразу. Сначала это было просто... внимание. Она слушала мои истории о первых проектах, о том, как я мечтал строить не торговые центры, а музеи, театры, соборы. О том, как жизнь, семья, ответственность съели эти мечты, оставив только прагматизм. Она кивала. Понимала. Ее рука легла на мою. Случайно. Или нет.

— Вы устали, — сказала она тихо. — Я вижу. Вы несете на себе слишком много.

И я сломался. Не физически. Внутри. Что-то во мне, туго натянутое двадцатью годами брака, троими детьми, бесконечной ответственностью, оборвалось с сухим, омерзительным треском.

— Поедем отсюда, — услышал я свой голос. Чужой. Хриплый. — Просто... поговорить. Там слишком шумно.

Она посмотрела на меня долго. Я видел, как она думает, взвешивает, борется. Потом кивнула.

— Хорошо. Поговорить.

Мы оба знали, что это ложь.

Я не помню, как мы добрались до отеля. «Метрополь». Номер делюкс с видом на Большой театр. Я заплатил наличными — не хотел, чтобы осталась запись на карте. Уже тогда, уже в тот момент, когда мы переступили порог номера, какая-то трезвая, холодная часть моего мозга знала: это предательство. Это катастрофа. Это конец.

Но я не остановился.

Мы стояли у окна. Москва под нами мерцала, равнодушная к нашему падению. Ксения смотрела на огни, и по ее щеке медленно катилась слеза.

— Я не могу поверить, что я здесь, — прошептала она. — Я не такая. Я никогда...

— Я тоже, — сказал я и понял, что это правда. Я, Максим Северов, который двадцать лет был верен одной женщине, который никогда даже не смотрел на других, стоял в гостиничном номере с чужой женщиной и выбирал. Последний раз выбирал.

Я мог уйти. Должен был уйти. Вызвать такси. Вернуться домой. Лечь рядом с Алисой. Обнять ее. Попросить прощения за то, что чуть не сделал.

Но я не ушел.

Я поцеловал Ксению. Не нежно. Не романтично. Голодно. Отчаянно. Как тонущий хватается за последний глоток воздуха. Она ответила. Ее руки на моей шее, мои — на ее талии. Одежда, летящая на пол. Кровать. Белые простыни, которые

пахли отельной стерильностью.

И секс. Быстрый, грубый, безрадостный секс двух отчаявшихся, одиноких людей, которые искали не удовольствия, а забвения. Я не помню деталей. Мозг милосердно стер их. Я помню только ощущение — пустоты. Чудовищной, вселенской пустоты в тот момент, когда все закончилось, и я лежал рядом с чужой, почти незнакомой женщиной, глядя в темный потолок.

Что я наделал.

Господи Иисусе Христе, что я наделал.

Ксения плакала. Тихо, в подушку. Ее плечи вздрагивали. — Нам нужно забыть, — сказала она, не поворачиваясь. — Сделать вид, что этого не было. Я не скажу. Никому. Никогда. У меня тоже есть что терять.

— Да, — согласился я. — Этого не было.

Мы оделись в тишине. Не глядя друг на друга. Я вызвал такси. Мы уехали в разных машинах, в разных направлениях, оставив в том номере что-то невозвратимое. Мою верность. Мою честь. Мое право смотреть в глаза собственным детям.

Рассвет застал меня за рулем, на полпути домой. Я остановился на обочине и сидел, вцепившись в руль побелевшими костяшками. Желудок выворачивало. Я открыл дверь и меня стошнило прямо на асфальт. Снова. И снова. Пока внутри не осталось ничего, кроме желчи и отвращения к себе.

Я предал Алису.

Женщину, которая родила мне троих детей. Которая отказалась от карьеры заведующей центром, чтобы быть рядом, когда я строил бизнес. Которая двадцать лет просыпалась рядом со мной и засыпала, обняв меня, доверчиво положив голову на мое плечо. Которая знала меня лучше, чем я сам. Которая любила меня.

Я предал Егора, который смотрит на меня, как на бога. Который хочет быть таким, как я. Который на выпускном в школе сказал: "Я горжусь, что я твой сын, пап".

Я предал Лизу, мою принцессу, которая каждый вечер целует меня в щеку перед сном и шепчет: "Ты самый лучший папа на свете".

Я предал Мишу, моего малыша, который засыпает только если я читаю ему сказку. Который верит, что я могу все. Что я непобедим.

Я сидел на обочине, пока солнце не поднялось над горизонтом, окрашивая небо в кровавые, обвиняющие цвета. Потом завел машину. И поехал домой. К своей семье. К людям, которых я только что предал и которые об этом не знали.

Пока не знали.

Дом встретил меня тишиной. Шесть утра. Все еще спали. Я поднялся по лестнице, стараясь не шуметь. Заглянул в комнату Миши — он спал, раскинувшись звездой, обняв плюшевого медведя. В комнату Лизы — она лежала на боку, уткнувшись лицом в подушку, волосы растрепаны. В комнату Егора — он уже не спал, сидел за компьютером в наушни-

ках, делал домашнее задание. Увидел меня, помахал рукой, улыбнулся. Я помахал в ответ. С трудом.

Потом зашел в нашу спальню.

Алиса лежала на моей половине кровати. Она всегда так делала, когда я задерживался — перебиралась на мою сторону, обнимала мою подушку. Как будто искала меня во сне. Я остановился в дверях и смотрел на нее. На эту женщину, с которой прожил двадцать лет. Она постарела. У нее появились морщинки в уголках глаз, седые волоски в темных волосах. Ее руки — не те, что были в двадцать, когда мы познакомились. Эти руки стирали пеленки, готовили завтраки, гладили детские головы, держали мою голову, когда я ревел от усталости после первого провального проекта.

Она была прекрасна.

И я ее предал.

Я тихо разделся. Залез под одеяло. Она зашевелилась, не просыпаясь, повернулась ко мне. Обняла. Вдохнула. И я замер, в ужасе ожидая, что сейчас она почувствует. Чужой запах. Предательство. Грех, вьевшийся в мою кожу.

Но она только крепче прижалась.

— Макс? — сонно пробормотала она. — Ты вернулся...
Как все прошло?

— Хорошо, — прохрипел я. — Контракт наш.

— Молодец, — прошептала она и поцеловала меня в плечо. — Я знала. Я всегда в тебя верю.

И заснула снова. Доверчиво. Безмятежно. Рядом с мужем,

который только что разрушил их семью.

А я лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, и чувствовал, как по щекам текут горячие, соленые, бесполезные слезы.

Я разрушил нас. Одной ночью. Одним выбором.

И самое страшное — она не знала. Пока не знала.

Три месяца спустя. Сейчас.

Я до сих пор не сказал ей. Не признался. Я живу в этом аду каждый день, каждую секунду. Я просыпаюсь рядом с ней, целую ее на прощание, еду на работу, возвращаюсь домой, ужинаю с семьей, помогаю Мише с уроками, обсуждаю с Егором университеты, слушаю Лизины восторги о новом парне из школы — и каждую секунду я лгу.

Не словами. Молчанием. Самой страшной ложью из всех возможных.

Я купил Алисе цветы. В первый раз за три года. Просто так, без повода. Она удивилась, обрадовалась, обняла меня: "Что случилось? Я что-то забыла?" — "Нет. Просто захотел". Я видел, как что-то мелькнуло в ее глазах. Тревога? Подозрение? Но она промолчала.

Я стал приходить домой раньше. Отменил три командировки. Сажу на диване с семьей, смотрю сериалы, которые не смотрел годами. Егор спросил: "Пап, ты заболел что ли?" — пошутил, но я видел — он тоже чувствует. Что-то не так.

Я занимаюсь любовью с Алисой чаще. Страстнее. Отчаяннее. Как будто пытаюсь стереть ту ночь. Залить ее сверху

нашей близостью. Она не против — наоборот, она счастлива. "Я скучала по такому тебе", — шепчет она мне в ухо. И каждый раз, когда я вхожу в нее, когда слышу ее стоны, когда чувствую, как она кончает, дрожа подо мной, я думаю об одном: я не достоин этого. Я не достоин ее.

Ксения уволилась через месяц. Прислала заявление по почте. Мы не виделись, не разговаривали после той ночи. Я знаю только одно — она тоже не сказала. Своему мужу. Никому. Мы оба несем эту тайну. Как проклятие. Как раковую опухоль, которая растет внутри, пожирая нас.

Я думал, что смогу жить с этим. Что со временем станет легче. Что однажды я проснусь и не буду ненавидеть себя. Что смогу посмотреть в зеркало и не отводить глаза.

Я ошибался.

С каждым днем становится только хуже. Потому что я вижу, как Алиса смотрит на меня. С любовью. С доверием. С этой чистой, незамутненной верой в меня, в нас, в нашу семью. И я знаю — это ложь. Все это — гигантская, чудовищная ложь. Наш брак больше не настоящий. Я осквернил его. Разрушил. И каждый день, проживая эту ложь, я убиваю нас еще немножко.

Иногда, по ночам, когда она спит рядом, я думаю: "Скажи ей. Просто скажи. Пусть кричит, плачет, бьет тебя, выгоняет. Но хватит лгать". Я открываю рот. Почти произношу: "Алис, мне нужно тебе кое-что сказать".

Но потом смотрю на нее, спящую, доверчивую. Потом

вспоминаю Егора, Лизу, Мишу. И закрываю рот. Потому что я трус. Потому что я знаю: как только я скажу — все рухнет. Наша семья. Их детство. Двадцать лет. Все, что мы строили. Одно слово — и от этого останется только пепел.

И я молчу. День за днем. Неделя за неделей. Три месяца. Я молчу и медленно умираю внутри.

Но тайны не молчат вечно.

Они имеют свойство выходить наружу. Самым страшным, самым разрушительным образом.

Глава 2

Я знаю, когда мой муж лжет.

Двадцать лет брака — это не просто цифра в паспорте, выцветшая фотография в рамке на комодe или штамп в документах. Это два десятилетия ежедневного, ежечасного, ежесекундного изучения другого человека до молекулярного уровня. До атомов. До квантов. Я знаю Максима Северова лучше, чем он знает сам себя. Я изучала его, как археолог изучает древний артефакт, — слой за слоем, аккуратно счищая наносное, добираясь до сути.

Я знаю, как он дышит во сне — глубоко, размеренно, с едва уловимым присвистом на выдохе, который появился после того, как он сломал нос в студенчестве, играя в баскетбол. Я знаю, что когда он нервничает, он потирает указательным пальцем правой руки переносицу — ровно в том месте, где остался крошечный шрам от того самого перелома. Я знаю, что когда он врет начальству по телефону ("Конечно, Игорь Семёнович, сделаем в срок, без проблем!"), он отворачивается к окну и смотрит на горизонт, как будто ищет там оправдание своей лжи. Я знаю, что когда он счастлив — по-настоящему, глубоко, искренне счастлив — он улыбается не губами, а глазами, и в уголках появляются те самые морщинки, которые я так люблю целовать.

Я знаю его. Всего. До последней клетки.

И поэтому я знаю, что последние три месяца мой муж жет. Каждый день. Каждую секунду. Всем своим существом.

Я не знаю, в чем ложь. Я не знаю, о чем он молчит. Но я чувствую её — эту ложь — как чувствуешь приближение грозы по тяжести воздуха, по электричеству, бегущему под кожей, по древнему, животному инстинкту, который кричит: "Беги. Прячься. Опасность".

Но я не бегу. Я детский психолог. Я работаю с травмированными детьми, с разрушенными семьями, с теми, кто выживает на обломках родительских войн. Я знаю, что самое страшное в семье — не ложь сама по себе. Самое страшное — это момент, когда ложь становится правдой. Потому что правда разрушает. Правда убивает. Правда превращает "до" в "после", и между этими двумя состояниями — пропасть, через которую нет моста.

И я боюсь узнать правду.

Боюсь настолько, что молчу. Не спрашиваю. Делаю вид, что не замечаю.

Потому что иногда неведение — это единственная милость, которую жизнь оставляет нам перед катастрофой.

Он изменился ровно три месяца назад. После того корпоратива, после того контракта, после той ночи, когда он пришел домой в шесть утра с красными глазами и сладковатым запахом на воротнике пиджака.

Я проснулась, когда он залез в постель. Притворилась спя-

щей — старый психологический трюк, подсмотренный у детей: если закрыть глаза, то страшное не существует. Он пах алкоголем, дорогим парфюмом (не своим), чем-то ещё — сладким, приторным, чужим. Я вдохнула этот запах и почувствовала, как что-то внутри меня сжимается, холодеет, каменеет.

Но я промолчала. Обняла его. Прошептала сонно: "Макс? Ты вернулся... Как всё прошло?"

"Хорошо. Контракт наш", — его голос был чужим, хриплым, виноватым.

"Молодец. Я знала. Я всегда в тебя верю", — я поцеловала его в плечо и снова закрыла глаза.

А потом лежала, не дыша, слушая, как он лежит рядом со мной с открытыми глазами и не спит. Час. Два. До самого рассвета. Я чувствовала напряжение его тела, слышала, как он тихо сглатывает, как будто пытается проглотить что-то острое, застрявшее в горле.

Я знала, что что-то случилось. Что-то страшное, непоправимое, разрушительное.

Но я не спросила. Потому что не была готова услышать ответ.

Он принёс мне цветы через неделю после той ночи. Белые розы — мои любимые. Огромный букет, торжественный, как на похоронах.

Я стояла на кухне, резала овощи для салата, и услышала, как открылась входная дверь. Раньше обычного. Я оберну-

лась — и замерла, нож в руке.

Максим стоял в дверях с этими розами, и на его лице была такая смесь вины, отчаяния и мольбы, что у меня перехватило дыхание.

— Для тебя, — сказал он тихо, протягивая букет. — Просто так.

— Макс... — я взяла розы, вдохнула их холодный, стерильный аромат. — Что случилось? Я что-то забыла? У нас годовщина?

— Нет. Ничего не забыла. Я просто... — он запнулся. Отвёл глаза. — Захотел. Тебе. Подарить.

Он врал. Я видела. Я чувствовала каждой клеткой своего тела. Эти цветы были не признанием в любви. Они были извинением. За что-то, о чём я ещё не знала.

— Спасибо, — я улыбнулась. Широко, фальшиво, как улыбаются пациенты психиатрических клиник, когда их спрашивают: "Как дела?" — "Всё прекрасно, доктор".

Я поставила розы в вазу. Красиво. Аккуратно. А потом, когда он ушёл в кабинет, я стояла над этим букетом и чувствовала, как слёзы жгут глаза.

Максим не дарил мне цветы просто так никогда. За двадцать лет. Только на день рождения, на восьмое марта, на годовщину. Он практичный, рациональный, он считает, что цветы — это выброшенные деньги, которые завянут через неделю.

А тут — белые розы. Мои любимые. Просто так.

Что ты сделал, Макс? — подумала я, глядя на эти безупречные, холодные, обвиняющие бутоны. — Господи, что ты натворил?

Но вслух я не спросила. Я просто вдыхала их мёртвый запах и ждала, когда они завянут, чтобы выбросить. Вместе с иллюзией, что всё в порядке.

Он стал... внимательным. Нет, не так. Он стал гиперприсутствующим. Как будто пытался компенсировать что-то, заполнить невидимую пустоту, которая вдруг образовалась между нами.

Раньше он приходил домой в восемь, девять, иногда в десять вечера. Работа, проекты, совещания. Я привыкла. Двадцать лет — привыкаешь ко всему. Я укладывала детей спать одна, ужинала одна, засыпала одна, обняв его подушку.

Но последние три месяца он приходит в шесть. Ровно в шесть. Как по расписанию. Отменил три командировки — в Питер, в Казань, в Екатеринбург. Проекты, которые он курировал лично. Я спросила: "Макс, что с командировками?" Он пожал плечами: "Делегировал. Пора давать дорогу молодым. Я устал мотаться".

Ложь. Максим никогда не устаёт от работы. Работа — это его кислород, его наркотик, его смысл существования. Он архитектор не по профессии — он архитектор по сути. Отобрать у него проект — всё равно что отобрать у птицы крылья.

Но он сидел дома. Вечерами. С нами. С семьёй.

Мы смотрели сериалы на диване — все вместе, как давно не смотрели. Егор устроился у отца под боком, как в детстве. Лиза положила голову мне на колени. Миша забрался на папины руки. Идиллия. Открытка. Картинка счастливой семьи.

Но я не могла расслабиться. Я сидела, натянутая, как струна, и чувствовала — это неправильно. Что-то в этой картинке сломано. Фальшиво. Я смотрела на экран и не видела, что там происходит. Я смотрела на Максима — на профиль, на сжатые челюсти, на пальцы, нервно барабаниющие по подлокотнику дивана.

Он здесь. Но его нет. Он играет роль. Роль заботливого мужа, любящего отца, человека, который ничего не скрывает.

И он играет хорошо. Почти идеально.

Почти.

Мы занимались любовью всегда хорошо. Двадцать лет — это не страсть первых месяцев, когда ты готов заниматься сексом на лестничной площадке, рискуя, что соседи выйдут. Это что-то другое. Глубже. Спокойнее. Надёжнее. Мы знали тела друг друга, как свои собственные. Я знала, где прикоснуться, чтобы он застонал. Он знал, как двигаться, чтобы я кончила, выгнувшись дугой.

Но последние три месяца секс с Максимом стал... другим. Отчаянным. Голодным. Почти агрессивным.

Он приходил ко мне по ночам — не ласково, не нежно,

как раньше, когда начинал с долгих поцелуев, с прикосновений, с шёпота на ухо. Теперь он входил в меня почти молча, сжимая моё бедро так сильно, что оставались синяки. Он двигался резко, жёстко, глядя мне в глаза с такой интенсивностью, что мне становилось не по себе. Как будто пытался что-то прочесть в моём взгляде. Или стереть. Или доказать.

И он шептал, когда кончал, уткнувшись лицом мне в шею: "Прости. Господи, прости меня".

Я замирала, глядя его спину, чувствуя, как его тело содрогается. Хотела спросить: "За что? Макс, за что прощать?"

Но не спрашивала. Просто обнимала его, чувствуя, как он дрожит в моих объятиях, как ребёнок после кошмара.

А потом он засыпал — быстро, провалившись в сон, как в обморок. А я лежала рядом с открытыми глазами, глядя в темноту, и думала: "Он изменил. Господи, он изменил мне".

Но доказательств не было. Только ощущение. Инстинкт. Шестое чувство, которое кричало всё громче с каждым днём.

Егор первым почувствовал, что что-то не так.

Мой старший. Семнадцать лет. Копия отца — те же острые скулы, тот же прямой нос, те же серые глаза, которые видят насквозь. Умный, наблюдательный, чувствительный, хотя прячет это за маской циничного подростка.

Он подошёл ко мне на кухне, когда я готовила ужин. Прислонился к холодильнику, скрестив руки на груди — поза Максима, один в один.

— Мам, — сказал он тихо. — С батей всё нормально?
Я резала лук. Слёзы текли по щекам — удобное алиби.
— Что ты имеешь в виду?

— Ну... — он пожал плечами. — Он какой-то... не такой. Слишком внимательный. Навязчивый. Вчера спросил, как дела в школе, — я ему отвечаю, а он смотрит мимо меня, как будто думает о чём-то своём. Я замолчал — он даже не заметил. Сидел, кивал, типа слушает. А на самом деле — в другом месте.

Я отложила нож. Вытерла руки. Повернулась к сыну.

— Он устал, Гош. Много работы. Новый проект. Ты же знаешь, как он погружается.

— Да ну, мам, — Егор покачал головой. — Он всегда работает много. Но таким... потерянным я его не видел никогда. Как будто ждёт, что сейчас что-то случится. Что-то плохое.

Из моих глаз снова потекли слёзы. Но уже не от лука.

— Ничего не случится, — прошептала я, подходя к нему, обнимая. — Всё хорошо. Правда.

Егор обнял меня в ответ. Крепко. Я уткнулась лицом ему в грудь — когда он успел стать таким высоким? Выше меня. Почти выше отца.

— Мам, если что — ты мне скажешь, да? — пробормотал он мне в макушку. — Если что-то не так. С вами. С батей. Я не ребёнок. Я справлюсь.

Я хотела сказать: "Не с чем справляться. Всё прекрасно".

Но не смогла. Просто стояла, обнимая своего почти взрослого сына, и молчала.

Потому что если я открою рот — я заплачу. По-настоящему. Навзрыд. И тогда рухнет последняя стена, которую я так старательно возводила между нами и правдой.

Лиза. Моя принцесса. Четырнадцать. Светловолосая, сероглазая, копия меня в этом возрасте. Романтичная, мечтательная, живущая в мире, где любовь побеждает всё, а принцы не предают принцесс.

Она влюбилась. В мальчика из параллельного класса — Артёма, высокого, красивого старшеклассника. Рассказывала мне о нём каждый вечер, сияя, краснея, запинаясь.

— Мам, он сегодня сказал мне "привет"! Прямо так, смотрел в глаза и сказал: "Привет, Лиз!" Ты представляешь?!

Я слушала, улыбалась, гладила её по волосам. И думала: "Наслаждайся этим, дочка. Наслаждайся этой чистотой, этой верой, что любовь — это навсегда. Что он не предаст. Что ваши 'навсегда' — это правда. Потому что скоро ты узнаешь, что мужчины лгут. Что любовь не спасает. Что 'навсегда' заканчивается в безымянном отеле с чужой женщиной".

Но вслух я говорила:

— Это здорово, солнышко. Он хороший мальчик?

— Лучший, — вздыхала она. — Такой же, как папа. Надёжный. Сильный. Я хочу, чтобы он был таким, как папа.

И в этот момент я хотела закричать: "Нет! Не хочу я, чтобы он был как твой отец! Хочу, чтобы он был честным. Вер-

ным. Хочу, чтобы он не разрушил твоё сердце, как твой отец сейчас разрушает моё!"

Но я только кивала и улыбалась. Широко. Фальшиво.

Потому что я — хорошая мать. А хорошие матери не разрушают иллюзии дочерей о том, что их отцы — герои.

Даже когда знают, что это ложь.

Миша. Мой малыш. Девять лет. Поздний ребенок, "подарок судьбы", как мы его называли. Светловолосый, курносый, с огромными глазами, которые всё ещё смотрят на мир с детским восторгом и доверием.

Он был единственным, кто не чувствовал подвоха. Для него папа, пришедший домой пораньше, читающий сказку на ночь, играющий в футбол во дворе, — это было чудом. Он расцвёл. Светился.

— Мама, правда, что папа теперь всегда будет приходить рано? — спрашивал он, забираясь ко мне на колени, обнимая за шею. — Навсегда?

— Не знаю, солнышко, — честно отвечала я. — Может быть.

— А я хочу навсегда, — шептал он, уткнувшись лицом мне в плечо. — Мне нравится, когда мы все вместе. Когда папа дома. Когда мы как настоящая семья.

Я гладила его по волосам и думала: "А мы что, раньше были ненастоящими? Когда папа пропадал на работе, когда я укладывала вас спать одна, когда мы жили своей жизнью, а он — своей?"

Но самое страшное — я не знала ответа.

Может, мы и правда были ненастоящими. Может, я просто не замечала. Может, эта трещина существовала всегда, а я просто не хотела её видеть.

А теперь Максим заклеивает её. Судорожно. Отчаянно. Цветами, вниманием, сексом, временем, проведённым с детьми. Он замазывает трещину, как штукатурку на стене. Аккуратно. Тщательно.

Но штукатурка не спасает, если фундамент гнилой.

Глубокая ночь. Три часа. Я не сплю. Лежу на своей половине кровати, глядя в потолок. Максим рядом — спит беспокойно, ворочается, что-то бормочет во сне.

Вдруг он вскрикивает. Резко. Испуганно.

Я оборачиваюсь. Он сидит на кровати, хватая ртом воздух, покрытый холодным потом. Кошмар.

— Макс, — я касаюсь его плеча. — Милый, что случилось?

Он вздрагивает от моего прикосновения. Смотрит на меня — и в его глазах такой ужас, такое отчаяние, что у меня сжимается сердце.

— Алис, — хрипло выдыхает он. — Алис, я...

Он замолкает. Смотрит на меня долго. Я вижу, как по его лицу проносятся эмоции — страх, вина, мольба. Он хочет что-то сказать. Что-то важное. Что-то страшное.

И я понимаю: вот оно. Сейчас. Сейчас он скажет. То, что я боюсь услышать больше всего на свете.

— Что, Макс? — шепчу я, и мой голос дрожит. — Что ты хотел сказать?

Он смотрит на меня. Секунду. Две. Вечность.

А потом качает головой.

— Ничего. Просто... кошмар. Дурацкий сон. Прости, что разбудил.

Он ложится обратно. Отворачивается к стене. Я слышу, как он дышит — часто, прерывисто, как после бега.

А я лежу на своей половине кровати и чувствую, как слёзы бегут по вискам, стекая в волосы.

Он не сказал.

Опять.

И я не спросила.

Опять.

Мы лжём друг другу молчанием. Строим эту чудовищную, хрупкую иллюзию, что всё хорошо. Что мы — счастливая семья. Что между нами нет тайн.

Но тайна есть.

Она лежит между нами, как третий человек в постели. Невидимая. Но тяжёлая. Задыхающаяся.

И с каждым днём, с каждым его "прости", с каждым букетом цветов, с каждым отчаянным сексом — она становится только больше.

Скоро она задушит нас.

Я знаю это.

Я чувствую это.

Я вижу признаки. Я знаю, чем это заканчивается.

Но я не могу остановить. Потому что для этого нужно задать вопрос. Один. Простой. Страшный.

"Макс, ты мне изменил?"

Четыре слова. Которые разрушат двадцать лет. И я не готова их произнести.

Не сегодня. Не сейчас. Может, завтра. Может, через неделю. Может, никогда.

Я закрываю глаза и молюсь — впервые за много лет, неумело, как молятся отчаявшиеся:

"Господи. Пусть я ошибаюсь. Пусть это просто усталость, стресс, кризис среднего возраста. Пусть это всё что угодно. Только не измена. Только не это".

Но Бог молчит. Как и я. Как и Максим.

Мы все молчим, играя в счастливую семью на краю пропасти. И ждём. Когда же, наконец, кто-то из нас сорвётся вниз.

Глава 3

Три месяца я жил в этом аду. Три месяца просыпался с одной мыслью: "Сегодня. Сегодня всё рухнет". Три месяца ждал звонка, сообщения, встречи, которая разрушит остатки моей жизни. Каждый день был отсрочкой казни. Временной передышкой. Последним глотком воздуха перед тем, как голова уйдёт под воду.

И вот. Сегодня.

Беру телефон. Руки не дрожат. Тело включило режим автопилота, тот самый механизм выживания, который помогает хирургам резать, пилотам сажать падающие самолёты, солдатам идти в атаку. Разблокирую экран.

Шесть слов. Всего шесть проклятых слов:

"Макс. Нам нужно поговорить. Это Ксения".

Читаю их снова. И снова. Буквы расплываются перед глазами. В ушах нарастает звон, высокий, пронзительный, как сирена, как крик, как последнее предупреждение перед взрывом.

Нужно поговорить.

Эти слова не бывают хорошими. Никогда. "Нам нужно поговорить" — это всегда прелюдия к катастрофе. К разрыву. К концу. Когда женщина пишет мужчине "нам нужно поговорить" — она несёт приговор. Вопрос только в том, какой.

Набираю ответ. Пальцы двигаются механически, как под

ГИПНОЗОМ:

"Когда? Где?"

Ответ приходит мгновенно. Она ждала. Она знала, что я отвечу.

"Сегодня. 18:00. Кофейня 'Шоколадница' на Тверской. Приди. Это важно".

Важно.

Смотрю на часы. Четырнадцать ноль-ноль. Четыре часа. У меня есть четыре часа до того, как моя жизнь разлетится на куски, как хрустальная ваза, сброшенная с высоты. Четыре часа, чтобы подготовиться к неизбежному.

Но как готовиться к концу света?

Встаю из-за стола. Подхожу к окну. Сорок второй этаж. Москва подо мной, огромная, равнодушная, живущая своей жизнью. Миллионы людей внизу. Каждый со своими проблемами, страхами, тайнами. Каждый верит, что его мир незыблем. Что завтра будет таким же, как вчера.

Я тоже так думал. Три месяца назад.

Теперь знаю: мир рушится за секунду. Одно неверное движение. Один выбор. Одна ночь.

И всё, что ты строил годами, семья, репутация, уважение детей, любовь жены, превращается в пыль.

Упираюсь лбом в холодное стекло. Закрываю глаза.

"Пожалуйста. Пусть я ошибаюсь. Пусть она хочет поговорить о чём-то другом. О работе. О проекте. О чём угодно. Только не о том, о чём я думаю".

Но я не верю в свою молитву. Потому что знаю. Я чувствую.

Она беременна.

От меня.

Три месяца — ровно тот срок, когда женщина понимает, что задержка — это не задержка. Что тошнота по утрам — это не отравление. Что две полоски на тесте — это не ошибка.

Одна ночь. Один раз. Мы даже не думали о предохранении — были пьяны, отчаянны, безумны. Я не спросил. Она не сказала. Мы просто... сделали это. И теперь расплата.

Достаю телефон. Набираю сообщение Алисе:

"Лис, задержусь сегодня. Встреча с заказчиком. Не жди к ужину".

Отправляю. Внутри всё сжимается от отвращения к себе. Снова лгу. Снова. Ложь наслаивается на ложь, как слои штукатурки на гнилую стену.

Ответ приходит почти сразу:

"Хорошо. Не задерживайся слишком. Люблю".

Люблю.

Два слога. Пять букв. Одно слово, которое раньше согревало, наполняло смыслом, давало силы. Теперь оно жжёт, как кислота, разъедая остатки совести.

Она любит меня.

А я иду на встречу с женщиной, которая, возможно, носит моего ребёнка.

Я — чудовище.

Восемнадцать ноль-ноль. "Шоколадница" на Тверской. Людно, шумно, пахнет кофе и выпечкой. Обычная московская кофейня в обычный будний вечер. Люди сидят за столиками, смеются, разговаривают, листают телефоны. Живут обычной жизнью.

А я иду на казнь.

Вижу её сразу. Она сидит в углу, спиной к стене, лицом к входу. Узнала меня раньше, чем я её. Поднимает руку, короткий, нервный жест. Иду к столику. Каждый шаг — как шаг по минному полю. Не знаешь, на какой взорвёшься.

Ксения.

Она изменилась. Три месяца назад была яркой, уверенной, красивой. Сейчас — бледная, осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами. Волосы собраны в небрежный хвост. Никакой косметики. Чёрная водолазка и джинсы. Выглядит измученной. Испуганной.

Виноватой.

Сажусь напротив. Молчу. Пусть она начнёт. Пусть произнесёт слова, которые разрушат меня.

Она смотрит в свою чашку с кофе. Долго. Потом поднимает глаза. И я вижу в них то, что боялся увидеть больше всего.

Отчаяние.

— Макс, — голос её дрожит. — Я... не знаю, как это сказать.

— Просто скажи, — мой голос звучит чужим. Металлическим. Мёртвым. — Что случилось, Ксения?

Она делает глубокий вдох. Выдыхает медленно, как человек перед прыжком с большой высоты.

— Я беременна.

Три слога.

Девять букв.

Конец моего мира.

Слышу эти слова, но мозг отказывается их обрабатывать. Какая-то защитная реакция психики — отрицание, первая стадия горя. "Нет. Этого не может быть. Это сон. Галлюцинация. Ошибка".

— Ты... уверена? — слышу свой голос издалека, как через толщу воды.

— Я сделала пять тестов, Макс. Пять. Все положительные. Я была у врача вчера. Двенадцать недель. — Она смотрит на меня, и в её глазах стоят слёзы. — Это твоё. Я не спала с мужем с октября. Мы... мы практически не разговариваем уже полгода. Живём в одной квартире, но это не жизнь. Это существование.

Двенадцать недель.

Цифры складываются сами собой, безжалостно, как в кошмарной задаче. Корпоратив был как раз три месяца назад. Начало ноября. Математика не лжёт. Только люди.

— Боже, — выдыхаю и закрываю лицо руками. — Боже...

— Макс, я не знала, что делать, — она говорит быстро,

сбивчиво, как будто боится, что если остановится, то не сможет продолжить. — Месяц я молчала. Надеялась, что ошибка. Что тесты врут. Что это невозможно. Но потом пошла к врачу. И он подтвердил. Я... я в ужасе. Я не планировала. Не хотела. Но это случилось.

Она плачет. Тихо, сдавленно, пытаюсь не привлекать внимания окружающих. Люди за соседними столиками переглядываются, отводят взгляды. Неловко. Никто не хочет быть свидетелем чужой трагедии.

Передо мной — женщина с моим ребёнком под сердцем. Лицо мокрое от слёз, руки дрожат на чашке.

Ничего. Внутри — ничего. Ни жалости, ни вины, ни страха. Пустота. Полная, абсолютная, космическая пустота. Мозг отключил эмоции, чтобы не сойти с ума прямо здесь, за столиком в "Шоколаднице", под весёлую музыку и запах корицы.

— Что ты хочешь делать? — спрашиваю я наконец. Голос ровный. Деловой. Как на переговорах.

Ксения вытирает слёзы. Смотрит на меня долго. Изучающе. Как будто пытается понять, кто я. Человек? Или монстр?

— Я не знаю, Макс, — шепчет она. — Мне скоро тридцать. Понимаешь? Тридцать. Я всю жизнь мечтала о ребёнке. Но не так. Не от чужого мужчины. Не в разрушенном браке. Я... я думала об аборте. Честно. Записывалась даже. Но не пришла. Не смогла.

Она кладёт руку на живот. Неосознанный, инстинктив-

ный жест. Материнский.

— Там ребёнок, Макс. Наш ребёнок. Я знаю, что у тебя семья. Трое детей. Жена, которую ты любишь. Я не хочу разрушать твою жизнь. Но я... я не уверена, что смогу от него отказаться.

Наш ребёнок.

Эти слова бьют меня под дых. Выбивают воздух. Чувствую, как комната начинает плыть, как стены смыкаются, как потолок давит на макушку.

У меня будет ещё один ребёнок.

От женщины, которую я не люблю.

Которую едва знаю.

С которой переспал один раз. Один. Проклятый. Раз.

— Сделай аборт, — слышу я свой голос. Холодный. Жёсткий. Чужой. — Я заплачу. Всё организую. Хорошую клинику. Лучших врачей. Ты ни о чём не будешь беспокоиться. Просто... избавься от него.

Избавься.

Произношу это слово — и внутри что-то умирает. Окончательно. Я только что сказал женщине, чтобы она убила моего ребёнка. Моего. Ребёнка. Как будто это не человек, а проблема. Неудобство. Ошибка, которую нужно стереть, как карандашную пометку на чертеже.

Ксения смотрит на меня. Долго. И в её взгляде — не гнев. Не обида. Разочарование. Глубокое, тотальное, окончательное разочарование.

— Я думала, ты другой, — говорит она тихо. — Когда мы говорили в ту ночь, ты казался... человечным. Потерянным, но человечным. Я видела в тебе не успешного архитектора, не бизнесмена, а просто мужчину. Уставшего. Ищущего. Живого. А ты... — она качает головой. — Ты такой же, как все. Как мой муж. Когда удобно — человек. Когда неудобно — функция.

Она встаёт. Берёт сумку.

— Я подумаю, Макс. О твоём предложении. Может, ты прав. Может, это лучший выход. Для всех. — Она смотрит на меня в последний раз. — Но если я решу оставить — ты не обязан участвовать. Я справлюсь сама. Не буду требовать алиментов, признания, ничего. Просто... исчезну. Как будто этой ночи не было. Как будто я никогда не существовала.

Она уходит. Я смотрю ей вслед. На её спину, на сгорбленные плечи, на медленную, усталую походку.

Она носит моего ребёнка.

И я только что попросил её его убить.

Сижу в кофейне ещё час. Не двигаюсь. Не пью остывший кофе. Просто сижу и смотрю в пустоту. Вокруг меня течёт жизнь — люди приходят, уходят, смеются, целуются, ссорятся. Обычная жизнь обычных людей.

А я уже не обычный.

Я — мужчина, у которого через семь с половиной месяцев родится внебрачный ребёнок. Или не родится — если Ксения послушает меня и "избавится".

Достаю телефон. Смотрю на заставку экрана — фотография нашей семьи. Прошлым летом, на даче. Алиса, я, Егор, Лиза, Миша. Все загорелые, счастливые, обнимаются. Мы смеёмся в камеру. Идеальная семья. Открыточная картинка.

Ложь.

Всё это — ложь. Потому что мужчина на этой фотографии — не тот, кто сидит сейчас в кофейне. Тот был честным. Верным. Достойным.

А этот... этот чудовище. Этот предатель, который трахнул чужую женщину, сделал её беременной и теперь просит убить ребёнка, чтобы скрыть свой грех.

Выхожу из кофейни. Иду по Тверской, не разбирая дороги. Холодно. Февраль. Моросит дождь — мелкий, противный, пробирающий до костей. Люди спешат, прячась под зонтами, ныряя в метро, подворотни, подъезды. Я иду медленно, подставив лицо этому дождю, и думаю: "Может, он смоет. Может, если я буду идти достаточно долго, этот дождь смоет с меня всё. Грех. Вину. Позор. И я вернусь домой чистым. Таким, каким был три месяца назад".

Но дождь не смывает грехи. Он только делает их более отчётливыми.

Иду и думаю о Ксении. О том, как она сидела напротив меня — бледная, испуганная, с рукой на животе. О том, как посмотрела на меня в конце — с разочарованием. О том, что она сказала: "Я думала, ты другой".

Я тоже так думал. Три месяца назад.

Оказывается, я не знал себя вообще. Думал, что я хороший человек. Порядочный. Верный. Что измена — это не про меня. Что я не из тех, кто разрушает семьи, врёт жёнам, просит любовниц сделать аборт.

А оказалось — я именно из таких.

Телефон вибрирует в кармане. Звонок. Алиса.

Смотрю на экран. На её имя. На фотографию — она смеётся, запрокинув голову, волосы развеваются на ветру. Я сделал этот снимок в наш медовый месяц. Двадцать лет назад. Она была такой молодой, такой счастливой, такой... доверчивой.

Не беру трубку.

Не могу. Не сейчас. Если услышу её голос — сломаюсь. Скажу всё. Выдам себя. Разрушу то, что ещё держится на соплях и молитвах.

Звонок прерывается. Через секунду приходит сообщение: "Макс, где ты? Уже девять вечера. Волнуюсь. Позвони, пожалуйста".

Набираю ответ дрожащими пальцами:

"Всё хорошо. Встреча затянулась. Скоро буду. Не волнуйся".

Ложь. Снова ложь. Я весь состою из лжи. Я построен из неё, как дом из кирпичей. И каждый день я добавляю новый кирпич. Ещё одну ложь. Ещё одно предательство.

Когда-нибудь этот дом рухнет. Обязательно рухнет. Потому что ложь не может быть фундаментом.

Но не сегодня. Пожалуйста, только не сегодня.

Ловлю такси. Еду домой. Сажу на заднем сиденье, смотрю в окно на ночную Москву, и мне кажется, что я еду не домой. Я еду на эшафот. К последней ночи перед казнью.

Ключ в замке. Щелчок. Дверь. Тепло, свет, запах ужина. Дом встречает меня, как всегда — уютом, теплом, жизнью.

Алиса выходит из кухни. В фартуке, с полотенцем в руках. Улыбается, но я вижу — в глазах тревога.

— Макс. Наконец-то. Я волновалась. Ты не отвечал на звонки.

— Прости, — целую её в щёку. Быстро. Формально. — Шумно было. Не слышал.

Она смотрит на меня. Изучающе. Долго. Вижу, как в её глазах что-то меняется. Настораживается.

— Ты весь мокрый. Где был?

— Встреча. Говорю же. С заказчиком.

— В дождь? Без зонта? — она касается моего плеча. — Макс, что случилось?

— Ничего. Всё в порядке, — отстраняюсь, снимаю куртку. — Просто устал. Тяжёлый день. Где дети?

— Наверху. Уроки делают. Макс, посмотри на меня.

Не могу. Не могу посмотреть ей в глаза, потому что если посмотрю — она увидит. Она всегда видит. Двадцать лет брака — это рентген. Она видит меня насквозь.

— Алис, не сейчас, ладно? — ухожу в кабинет. — Мне нужно поработать. Доделать проект.

Закрываю дверь. Опускаюсь в кресло. Кладу голову на руки.

И только сейчас, в тишине своего кабинета, в темноте, позволяю себе сломаться.

Не плачу. Слез нет. Есть только боль. Тупая, давящая, всепоглощающая боль, которая разливается по телу, заполняя каждую клетку.

У меня будет ребёнок. От другой женщины.

Или не будет — если она послушает и сделает аборт.

Не знаю, что страшнее.

И не знаю, как жить дальше. Как смотреть в глаза Алисе. Как обнимать своих детей. Как притворяться человеком, когда внутри — только пустота и грех.

Телефон вибрирует. Сообщение. От неё.

"Я подумала. Дай мне ещё неделю. Я должна решить. Это слишком важно, чтобы торопиться. Прости, что втянула тебя в это".

Смотрю на это сообщение и понимаю: неделя. У меня есть ещё одна неделя жизни в неведении. Семь дней, когда я могу притворяться, что ничего не случилось. Что мир не рухнул. Что я не стою на краю пропасти.

Семь дней отсрочки.

А потом — приговор.

Убираю телефон. Встаю. Подхожу к двери кабинета. За ней — мой дом. Моя семья. Моя жизнь, которую я разрушил одной ночью.

Кладу руку на ручку двери. И молю о чуде.

О том, чтобы Ксения сделала аборт. Чтобы эта проблема исчезла. Чтобы я мог продолжать жить, как раньше.

Но даже произнося эту молитву, знаю: я чудовище.

Потому что молюсь о смерти своего ребёнка.

Ради спасения своей лжи.

Глава 4

Неделя прошла. Потом две. Три. Месяц. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Ксения не написала. Не позвонила. Исчезла, как призрак, как дурной сон, как галлюцинация, в которую хочется перестать верить. Я проверял телефон по сто раз на дню. Вздрагивал от каждого звонка, от каждого сообщения. Ждал, что сейчас, прямо сейчас придёт оно — известие. Приговор. Но телефон молчал.

Шесть месяцев тишины.

Шесть месяцев, которые я провёл в чистилище. Не в аду — там хотя бы понятно, что ты проклят, что ты наказан, что это твоя кара. А чистилище — это ожидание. Это подвешенное состояние между "ещё не рухнуло" и "вот-вот рухнет". Это жизнь на паузе, когда ты не живёшь — ты существуешь, дышишь, двигаешься, разговариваешь, но внутри застыл, как насекомое в янтаре.

Я не знал, что она решила. Сделала аборт? Оставила ребёнка? Родила? Отдала на усыновление? Каждый вариант пульсировал в моей голове своей отдельной пыткой.

Если сделала аборт — я убийца. Я тот, кто заставил женщину убить нашего ребёнка, потому что мне было удобнее жить во лжи, чем взять ответственность.

Если оставила — где-то там, в этом огромном, равнодуш-

ном городе, растёт моё дитя. Мой сын или дочь. Который никогда не узнает меня. Который будет расти без отца. Потому что я — трус.

Каждый день я просыпался с этим знанием. Каждую ночь засыпал с ним. Оно стало частью меня, вросло в кожу, в кости, в дыхание. Я научился жить с ним — как живут с хронической болью, с неизлечимым диагнозом. Просто терпишь. Просто несёшь. Потому что выбора нет.

Но цена этого молчания была чудовищной.

Я разрушался. Медленно. Плановмерно. По кусочку каждый день.

Сначала ушёл сон. Я лежал рядом с Алисой — она сопела тихо, доверчиво прижавшись ко мне спиной, — а я смотрел в потолок и считал. Часы. Минуты. Удары сердца. Три ночи без сна. Пять. Неделя. Я ходил на работу с красными глазами, с трясущимися руками, пил кофе литрами. Коллеги спрашивали: "Макс, ты в порядке?" — "Да, просто проект сложный, не высыпаюсь".

Ложь. Всегда ложь.

Потом ушёл аппетит. Еда стала картонной, безвкусной. Я жевал, глотал, потому что надо. Потому что иначе Алиса заметит, начнёт спрашивать, волноваться. Я ел и чувствовал, как каждый кусок застревает в горле, как желудок сжимается, отторгая пищу. Я похудел на восемь килограммов за два месяца. Костюмы висели мешком.

— Макс, ты болен? — спросила Алиса однажды, когда я

вышел из душа. Она смотрела на меня, и в глазах был страх. — Ты... ты какой-то... изможённый. Сходи к врачу. Пожалуйста.

— Всё нормально, — я натянул футболку, пряча своё изхудавшее тело. — Просто много работы. Стресс. Пройдёт.

Она не поверила. Я видел. Но промолчала. Потому что между нами выросла стена. Невидимая, но непроницаемая. Мы перестали разговаривать по-настоящему. Обсуждали быт, детей, счета, планы на выходные. Но не говорили о главном. О том, что я умираю на её глазах. О том, что она это видит. О том, что мы оба притворяемся, будто всё хорошо.

Двадцать лет брака. И мы стали чужими за шесть месяцев.

Я начал срываться на детей. Я, который никогда не повышал голос. Который был терпеливым, спокойным, понимающим отцом. Теперь я взрывался по мелочам.

Егор пришёл с двойкой по математике — первой за три года. Я увидел дневник и взорвался:

— Ты что, совсем охренел?! Как ты вообще умудрился получить двойку?! У тебя через полгода ЕГЭ! Ты хоть понимаешь, что творишь?!

Егор смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я видел, как он съёживается, как пытается стать меньше, невидимее.

— Прости, пап. Я... не понял тему. Исправлю. Честно.

— Исправишь, — я швырнул дневник на стол. — Только поздно уже исправлять! Надо было сразу учить!

Я ушёл, хлопнув дверью. А потом, через час, когда ярость схлынула, я подошёл к его комнате. Приложил ухо к двери. Он плакал. Тихо, подавленно, в подушку. Мой семнадцатилетний сын, который хотел быть похожим на меня, плакал, потому что я накричал на него из-за двойки.

Я хотел войти. Обнять. Попросить прощения. Но не смог. Просто стоял за дверью, слушал его плач и ненавидел себя.

Лиза перестала со мной разговаривать. Совсем. Она приходила из школы, кивала мне молча, уходила к себе. Больше не показывала рисунки, не рассказывала о мальчике, в которого влюбилась, не просила помочь с уроками. Я стал для неё призраком. Функцией. Человеком, который спит в соседней комнате, но больше не папой.

Однажды я услышал, как она говорит по телефону с другой:

— Не знаю, что с ним. Он стал каким-то... злым. Мама говорит, что устал, но... Я его боюсь теперь. Правда. Прихожу домой и надеюсь, что его нет.

Она боялась меня. Моя принцесса, моя Лизонька, которая когда-то считала меня героем, теперь надеялась, что меня не будет дома.

Я стоял за стеной, слушал эти слова и чувствовал, как что-то внутри меня умирает окончательно.

Миша — мой малыш, мой светлый, доверчивый мальчик — начал заикаться. Не сильно. Еле заметно. Но я слышал. Каждый раз, когда он обращался ко мне:

— П-пап, ты п-почитаешь мне?

— Не сейчас, Миш. Устал.

— Но ты о-обещал...

— Я СКАЗАЛ — НЕ СЕЙЧАС!

Он вздрагивал. Отступал. Уходил. А я сидел в своём кабинете и слышал, как он плачет в своей комнате. Девять лет. Ему девять лет. И он плачет, потому что папа накричал.

Я превратился в монстра. В того самого отца, которого боятся дети. Которого избегает жена. Который разрушает семью не изменой — изменой я уже разрушил. Теперь я добивал остатки своей ложью, своими срывами, своей неспособностью быть человеком.

Работа стала единственным местом, где я мог дышать. Там никто не знал. Там я был просто Максим Северов, успешный архитектор. Там я мог притворяться, что у меня всё хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.